

Всероссийская олимпиада школьников. 2019--2020 учебный год.

Школьный этап.

Литература.

11 класс.

Продолжительность – 150 минут.

1. «ПОЭЗИЯ ДЛЯ ГЛАЗА» (35 баллов)

Этой шукой, гремя и звеня, бьёт частенько супруга
меня

В литературе давно известны формы фигурных текстов. Симеон Полоцкий писал стихотворения в форме звезды и сердца, а Г.Р. Державин – в форме пирамиды и гробницы. Не всегда темы таких стихотворений серьёзны. Например, приведённый слева текст – пародия Евг. Венского «Загадка» на подобные попытки Ивана Рукавишникова.

1. [5 баллов] Отгадайте загадку.
2. [30 баллов] Напишите стихотворный или прозаический текст (серьёзный или смешной), расположив его на листе в виде условного изображения (выберите один из вариантов):

а) солнца; б) оконной рамы; в) лица человека.

При оценивании учитываются связь формы и содержания, стиль и образность.

2. II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно.

Рекомендуемый объём – 400-450 слов.

Вариант 1. Прозаический текст

Юрий Маркович Нагибин (1920–1994)

ЗАБРОШЕННАЯ ДОРОГА

Был ли в яви или только приснился мне этот странный мальчик, овеянный нежностью и печалью нездешности, как маленький принц Антуана де Сент-Экзюпери? Я знаю, что он был, как было и булыжное шоссе, заросшее подорожником, лопухами, репейником, конским щавелем, чайной ромашкой; но даже если б этот мальчик принадлежал сну, он затронул мою душу неизмеримо сильнее многих других людей, чья грубая очевидность не вызывает сомнения.

Часто бывает, что чудеса находятся возле нас – протяни руку и возьми, а мы и не подозреваем об этом! Тот день начался с маленького чуда: оказалось, низинный, сыроватый ольшаник, примыкавший с севера к дачной ограде, сказочно богат грибами свинушками. Грибы стояли в лезвистой осоковой траве не то что табунками, они сливались в сплошные изжелта-бурые поля.

Маленькие подсвинки с белой подкладкой аккуратных круглых шляпок соседствовали с гигантами, похожими на вывернутые ветром зонтики, каждая воронка хранила каплю росной влаги. Я набивал свинушками рубашу, бегом относил их домой и возвращался в лес.

Помимо грибов, ольшаник кишмя кишел лягушками; не раз, протягивая руку к ножке гриба, я касался противно-холодного тела, мгновенно проскальзывающего под пальцами. Можно было подумать, что грибы и лягушки пребывают в некой таинственной связи, обеспечивающей им избыточное бытие.

Как и всегда бывает во время счастливого грибного промысла, я становился всё разборчивее: меня уже не радовали большие, квелые грибы, я срывал лишь маленькие, резиново-твёрдые, затем уже среди них я стал выбирать самые ладные и чистенькие крепыши. Эти разборчивые поиски завели меня в глубь леса. Грибов вскоре стало куда меньше, затем они и вовсе исчезли, но я не жалел об этом, пресыщенный чрезмерностью удачи. Меня увлекло странствие по незнакомому лесу, менявшему свой облик по мере удаления от дачи. Низина сменилась возвышенностью, почва под ногами окрепла, и болотные травы уступили место папоротникам и хвощам. А затем сумеречный, веющий сыростью и прелью ольшаник и вовсе сошёл, светло, молочно забелели берёзы, жемчужно заяснели осины, под ними шёлково натянулась густая, низкая трава, задымились столбы солнечного света, косо павшие на лес.

Я вытряхнул грибы из рубашки и надел её на себя, безнадёжно замаранную, приятно и остро пахучую от свинушек, и двинулся дальше.

Радостно-тревожное чувство владело мною: я знал, что ушёл не так уж далеко и всё же куда сильнее оторвался от дома, чем если бы забрел в последнюю даль по знакомой, проторённой тропке. Загадочен был этот светлый, чистый берёзовый и осиновый лесок, выкроивший себе немалую площадь посреди ольшаника. Ведь ни берёзы, ни осины не имели выхода в простор. Я хорошо знал окрестность: и со стороны Дмитровского шоссе, и со стороны нашей дачи, и со стороны кочкастого болота, тянущегося за горизонт, лесные опушки были сплошь ольховые.

Чем дальше я шёл, тем плотнее росли деревья, узкие прозоры между ними забил валежник, трава поднялась, стала в пол моего роста, а стройные, розовые, похожие на свечи цветы вознеслись куда выше мой головы, и всё труднее пробираться вперёд, и чуть посмеркло, потому что дымно-голубые столбы не могли пробиться сквозь теснотищу куп. И тут я набрёл на этого мальчика, и свершилось главное чудо дня.

Небольшой, худенький, с узким лицом, загороженным круглыми очками в толстой черепаховой оправе, он полол, словно огородную грядку, невесть откуда взявшееся тут густо заросшее булыжное шоссе. Он уже расчистил довольно широкую полосу, и там плотно, крепко круглились сероватые в просинь и розоватость лобастые булыжники, а дальше шоссе терялось в густой поросли сорняков. Мальчик не только полол шоссе, он укреплял его по краям, вколачивая самодельной трамбовкой булыжники в гнезда.

– Здравствуй, – сказал он, обернувшись и доброжелательно глядя на меня большими коричневыми глазами из-за круглых плоских стёкол оконной прозрачности.

– Здравствуй, – отозвался я. – Зачем ты носишь очки? У тебя же простые стекла.

– От пыли. Когда ветрено, дорога пылит, а у меня конъюнктивит, – пояснил он с гордостью.

– А что это за дорога? Я никогда её раньше не видел.

– Не знаю... Ты не хочешь мне помочь?

Я пожал плечами и, нагнувшись, выдрал куст чертополоха с тёмно-красными цветами и цепкими шипиками. Затем я потащил какое-то длинное растение с сухими тёмными коробочками семенников, будто наполненными ватой. Растение не поддавалось, вцепившись в землю длиннющими волосяно тонкими корнями. Я изрезал ладони, пока наконец вырвал его из земли. Да, это была работка! Недаром же у очкастого мальчика руки были в кровавых ссадинах. Мой пыл разом угас.

– Слушай, а зачем тебе это нужно? – спросил я.

– Ты же видишь, дорога заросла. – Он говорил, стоя на коленях, и щепкой выпарывал из земли какой-то корень. – Надо её расчистить.

– А зачем? – упорствовал я.

– Ну как же!.. – У него был вежливый, мягкий и терпеливый голос. – Цветы и травы своими корнями разрушают дорогу. Раньше булыжник лежал к булыжнику, а теперь видишь какие щели!..

– Я не о том!.. Зачем надо, чтобы она не разрушалась?

Он осторожно, за дужку, снял очки, ему хотелось получше рассмотреть человека, задающего такие несуразные вопросы, а припылившиеся стекла только мешали. Его не защищённые очками глаза оказались в еле приметном красном обводе, будто кто-то провел по векам тончайшей кисточкой. Видимо, это он и называл так звучно: «конъюнктивит».

– Если дорога разрушится, она исчезнет, и никто не узнает даже, что тут была дорога.

– Ну и чёрт с ней! – сказал я раздражённо. – Она всё равно никуда не ведёт!

– Все дороги куда-нибудь ведут, – сказал он с кроткой убеждённостью и, водворив очки назад, принялся за работу. – Посуди сам, разве стали бы её строить, если б она никуда не вела?

– Но раз её забросили, значит, она не нужна?

Он задумался, чуть перекосив худенькое лицо, и даже перестал выдергивать цветы и травинки, в его коричневых глазах появилась боль – так трудно вложить в чужую душу самые простые и очевидные истины!

– Разве мы знаем, почему дорогу забросили?.. А может быть, кто-то на другом конце тоже пробует её расчистить? Кто-то идёт мне навстречу, и мы встретимся. Нельзя дорогам зарастать, – сказал он твёрдо. – Я обязательно её расчищу.

– У тебя не хватит сил.

– У меня одного – нет. Но кто-то идёт мне навстречу и, может быть, прошел уже полпути...

– Далась тебе эта дорога!

– Дороги – это очень важно. Без дорог никто никогда не будет вместе. Смутная догадка шевельнулась во мне:

– У тебя кто-нибудь уехал далеко?

Он не ответил и отвернулся.

– Я буду тебе помогать! – неожиданно для себя самого вскричал я.

– Спасибо! – сказал он искренне, но без излишней горячности. – Приходи сюда завтра утром, сегодня уже поздно, пора домой.

– А где ты живёшь?

– Там... – махнул он на чашу, поднялся, вытер ладони пучком травы, спрятал очки в карман, в последний раз погрузил меня в доброту своих коричневых глаз и пошел прочь, перепачканный, усталый, тщедушный, непреклонный дорожный строитель, и вскоре скрылся за кустами жимолости.

На другой день ни свет ни заря я устремился в лес. Непролазный, оплетённый долгими травами ольшаник в туманном выпоте, густых испарениях, оседавших влагой на коже, походил не то на джунгли, не то на дно схлынувшего моря. Ночью шёл дождь, он дал могучий прирост всей жизни в природе: вытянулись, ярче зазеленели осоты; свинушки, будто я и не произвёл вчера опустошения, так и перли из травы свежей прожелтью; в каждой лягушке скрывалась заколдованная принцесса – так были они

величавы, исполнены надменности и нежелания посторониться.

Я мчался сквозь ольшаник, сам мокрый с головы до пят, охваченный жгучим нетерпением и умилённым предвкушением встречи с мальчиком на заросшем булыжном шоссе, – его вера уже стала моей верой. Я был уверен, что без труда отыщу шоссе, ведь это так просто: всё прямо и прямо сквозь ольшаник, берёзовый и осиновый редняк в другой берёзовый лесок, забитый буреломом, и там обнажится чистая полоска синеватого и розового булыжника.

Я так и не нашёл заброшенного шоссе. Всё было похоже на вчерашнее: и деревья, и травы, и валежник, и репьевые заросли, и розовые свечи высоких цветов, но не было ни шоссе, ни мальчика с коричневыми глазами. До заката мыкался я по лесу, измученный, голодный, с иссеченными травой и сушняком ногами, но всё было тщетно...

Мне никогда уж не попадалось ни заброшенного шоссе, ни проселка, ни даже стёжки, что нуждались бы в моём спасающем труде. Но с годами я поинему понял наставление мальчика. В моём сердце начиналось много дорог, ведущих к разным людям: и близким, и далёким, и к тем, о ком ни минуты нельзя забыть, и к почти забытым. Вот этим дорогам был я нужен, и я стал на вахту. Я не жалел ни труда, ни рук, я рвал напрочь чертополох, и крапиву, и всю прочую нечисть, не давал сорнякам глушить, разрушать их, превращать в ничто. Но если я преуспевал в этом, то лишь потому, что всякий раз с другого конца дороги начиналось встречное движение. Лишь одну, самую важную дорогу не дано мне было спасти, быть может, потому, что никто не шевельнулся мне навстречу.

<1979>

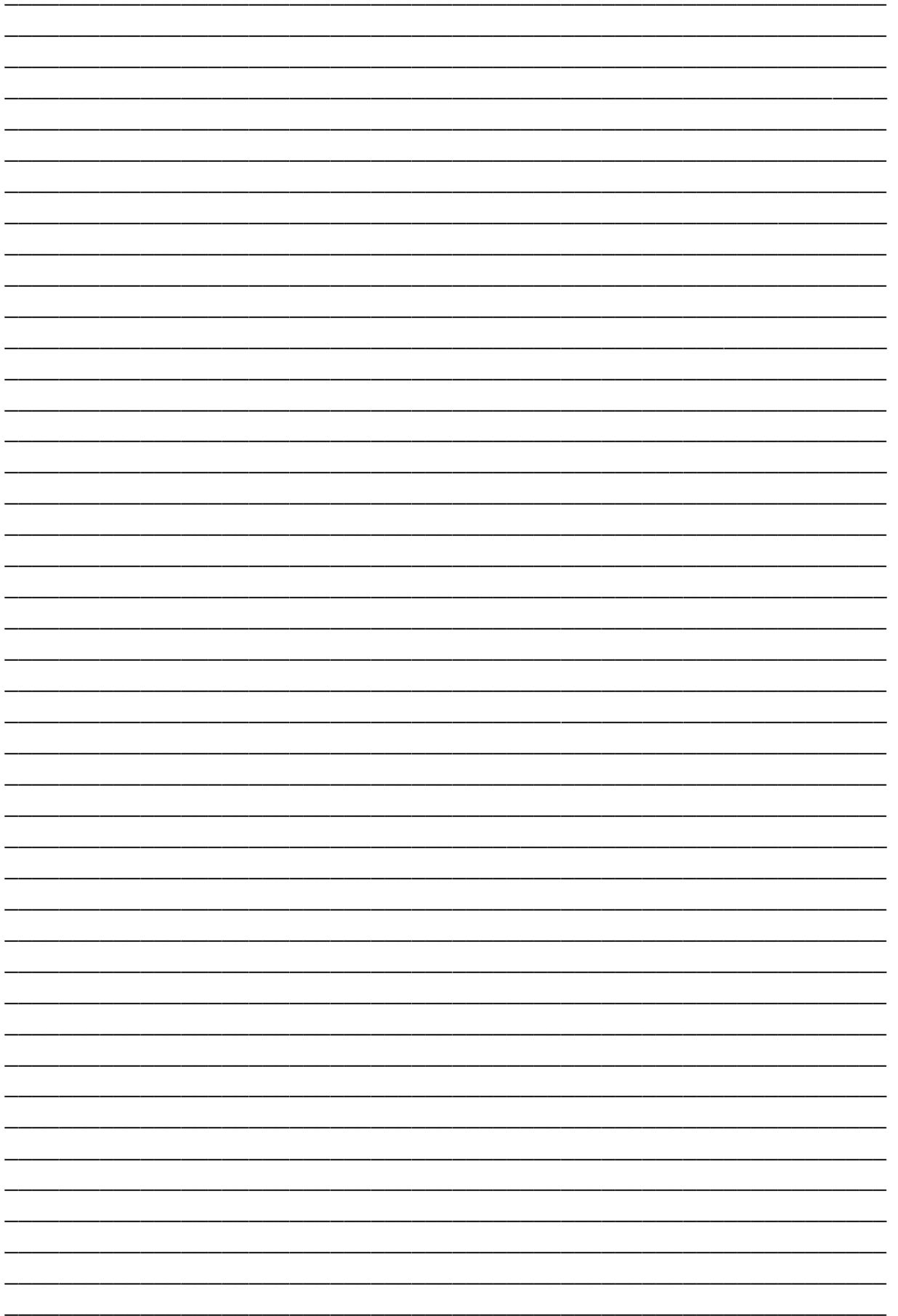
Вариант 2. Поэтический текст

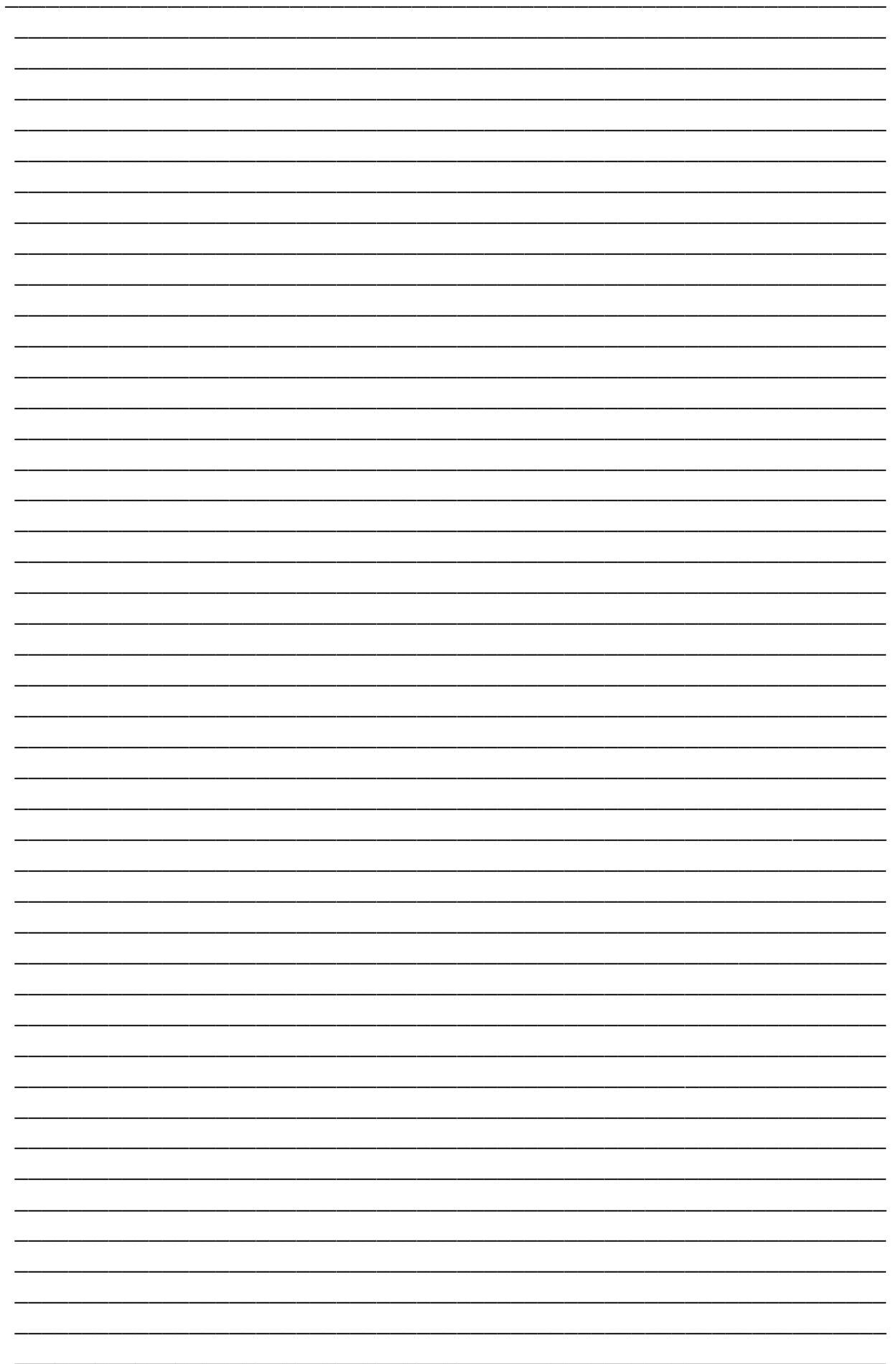
Юнна Петровна Мориц (род. 1937)

ПАСЕКА ЖИЗНИ

Ночь прилетает пчёлками звёзд,
Мёдом небесным полна глубина,
Мёдом луны золотится волна,
Мёдом волны отражается мост,
Мёд фонарей в стеклоте пузырей, –
Пасека жизни мёдом полна,
Мёд отражений, свет из окна
В нём отражается!.. Это – она,
Пасека жизни, створчатый воск
С творческих створок, скороговорок
С мёдом небесным – сквозь мрак или морок,
С мёдом луны, что задаром, за так
Пасечник Бог раздаёт человекам,
Жизни волокнам, окнам и рекам,
С творческих створок – сквозь морок и мрак!

<1990е>

This image shows a single sheet of white paper with horizontal blue ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.